

Данияр Сугралинов

СТРОКИ

сборник рассказов

2012-2017

Данияр Сугралинов
Строки (сборник)

«Сугралинов Данияр»

2014-2016

Сугралинов Д. С.

Строки (сборник) / Д. С. Сугралинов — «Сугралинов Данияр»,
2014-2016

Дорогой читатель! Скорее всего, ты решил почитать этот сборник, прочитав мои «Кирпичи» или «Level Up». Поэтому, считаю важным тебя предупредить: двадцать семь размещенных в этом сборнике рассказов и зарисовок, а также одна недописанная повесть, по форме, содержанию и смыслу имеют мало общего с моими романами. Какие-то рассказы писались, как домашнее задание в Открытой литературной школе Алматы, какие-то – от нечего делать, а что-то было вообще постами в моем блоге. Просто мне захотелось подвести некую черту под своим творчеством с осени 2015 по осень 2017 года, собрав все под одной обложкой. Как бы не сложилось твое прочтение, спасибо! С уважением, Данияр

Содержание

От автора	5
Нарака	6
Прибавь-ка ходу, машинист!	9
Испытатель	13
Имя его	16
Кто ты, тварь?	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Данияр Сугралинов

Строки (сборник)

От автора

Дорогой читатель! Скорее всего, ты решил почитать этот сборник, прочитав мои «Кирпичи» или «Level Up». Поэтому, считаю важным тебя предупредить: двадцать семь размещенных в этом сборнике рассказов и зарисовок, а также одна недописанная повесть, по форме, содержанию и смыслу имеют мало общего с моими романами.

Какие-то рассказы писались, как домашнее задание в Открытой литературной школе Алматы, какие-то – от нечего делать, а что-то было вообще постами в моем блоге. Просто мне захотелось подвести некую черту под своим творчеством с осени 2015 по осень 2017 года, собрав все под одной обложкой.

Как бы не сложилось твое прочтение, спасибо!

Данияр Сугралинов
Алматы, сентябрь 2017

Нарака

1

Сегодня он просыпается без будильника. Открывает глаза, нащупывает под подушкой мобилу, включает. Экран вспыхивает фотографией красивой девушки. Почти шесть утра, еще есть несколько минут. Некоторое время он всматривается в фотографию, потом переворачивается на живот, втискивая руки под подушку, ложится на щеку, прикрывает глаза и мысленно выстраивает – визуализирует – план на день.

Образы сегодняшних действий – все, как советовал Учитель – проскакивают, как очень быстрое слайд-шоу: встал, потянулся, размялся, облегчился, смыл, включил кран, дождался горячей, помыл руки, почистил зубы, сполоснул рот зубным эликсиром, нанес пену на лицо, побрился, умылся, выключил кран, обтерся, пришел на кухню, выпил стакан воды, набрал чайник, включил, заварил кофе, налил в кружку, накинул куртку, обулся в тапочки, взял кружку с кофе и вышел на балкон, закурил – нет, бросил же, жаль, просто сделал глоток...

Пищит будильник. Он нехотя высовывает руку с зажатым в кулаке мобильником из-под подушки и проводит пальцем по экрану, отключая назойливый писк. Пора вставать...

Облокотившись о перила, он, поживаясь, пьет горький кофе. За ночь город замерз и оброс инеем. Он окидывает взглядом пустынную заледеневшую улицу, по которой ему предстоит бежать пять кварталов вниз, потом пять направо, пять вверх и, наконец, еще пять обратно к дому. В эту неделю только пять. Только? Целых? В следующую неделю ему бежать по шесть, потом по семь, и так, пока он не добьется своего. Это его квадрат успеха. У квадрата четыре стороны. Учитель говорил, сначала будет тяжело, потом еще тяжелее, потом немотогу, но легкость придет. Не может не прийти. Потому что квадрат успеха приносит успех в квадрате.

Через четверть часа он, одетый в теплый спортивный костюм, толстую вязаную шапочку, шарф и перчатки, тяжело спускается с лестницы. Учитель советовал забыть про лифт, если он хочет скорее добраться до цели. Потому что надо выйти из зоны комфорта. Ее нет в зоне комфорта, объяснял Учитель, и чтобы быть с Ней, надо выйти из этой зоны...

В ушах звучат переливы пианино Макса Рихтера. Он идет пешком, потому что бежать он больше не может. Он как-то смог пробежать пять кварталов вниз, и даже перебежал дорогу, когда повернул направо, но больше нет сил. Он бы бежал, но ноги не держат. Ноги не держат, сердце вот-вот взорвется, легкие горят, зубы ломит, а горло раздирает морозный воздух. Он жадно дышит сквозь ставший мокрым шарф, проходя первый квартал шагом, но вспоминает о Ней, стискивает зубы и бежит дальше. Хватает его ненадолго. Сдавшись, остаток квадрата он проходит пешком.

В подъезде он малодушно вызывает лифт. В его ожидании включает мобильник, вглядывается в ее чистое, сияющее лицо, яркие зеленые глаза, несмелую улыбку. Открываются двери лифта. Оттуда выходит немолодая женщина в норковой шубе и, несколько удивленно посмотрев на него, уважительно с ним здоровается. Кивнув, он заходит в лифт, чего-то выжидает, думает и жмет на кнопку открытия дверей. Выходит из кабины и идет к лестнице.

Поднимается пешком. На третьем этаже задыхается, делает передышку, пытается отдышаться. Колет в бок. Передохнув, он поднимается на четвертый, делает усилие, пятый, часто, с всхлипыванием дышит, шестой, немного осталось, давай, мужик! Седьмой, последний рывок, восьмой. Его. Достает ключи, открывает дверь.

Дома принимает душ. После встает на весы, сегодня там сто тридцать два. Лиха беда – начало, говорил Учитель.

¹ Нарака – ад в буддизме.

Завтракать пока нельзя. Учитель объяснял, что два часа после утренней пробежки есть нельзя, так будет эффективнее. Вместо завтрака он выпивает стакан минеральной воды и собирается на работу.

На остановке он грустно поглядывает на курящих мужиков, но запрещает себе даже думать об одной – всего одной – сигаретке. Только одна – всегда первая и никогда последняя.

Подъезжает его автобус. Он, распахивая портфелем молодежь, взбирается в салон, рыская взглядом в поисках свободного места. Ноги не держат, а ехать долго. Ему везет, он находит незанятое и садится. Следующие сорок минут можно провести в полудреме.

Едва не проезжает свою остановку, убаюканный музыкой в наушниках и сонно-терпким коктейлем ароматов бензина, туалетной воды и пота. В последний момент, очнувшись от грез, вскакивает и визгливо кричит, требуя открыть дверь. Чуть подумав, двери открываются и выпускают его на улицу. Осталось перейти дорогу, и он на работе.

Заходит в класс, обводит его взглядом, кладет портфель на стол, снимает пальто, шапку, шарф, садится. Он вытаскивает из внутреннего кармана пиджака платок, стирает пот со лба и пристально смотрит на учеников – на всех сразу и ни на кого. Они замирают.

– Доброе утро, класс!

– Доброе-брое утро-тро, Виталий-алий Михайлович-ович!

– Как настроение? – преувеличенно бодро интересуется он.

– Хорошее! Нормальное! Могло быть и лучше! – невпопад отвечают ученики.

– С какой целью интересуетесь? – слышится с задней парты.

Это Исламов, подмечает он, обязательно вызвать к доске.

– А вот у меня – не очень хорошее, – говорит он.

Класс заинтригованно, в ожидании какой-то учительской подлянки, замолкает.

– Я проверил ваши контрольные по географии Латинской Америки. Что же вы так Латинскую Америку не уважаете? Футболом, что ли, никто не увлекается?

– Увлекаемся! – возмущается «галерка». – Месси оттуда!

– Кто там про Месси? Исламов? А давай-ка к доске, Исламов, расскажешь нам о Панамском канале и его значении.

Долговязый Муслим Исламов с шумом отодвигается от парты, встает и под смешки одноклассников обреченно идет к доске.

В расписании выдается окно. Он заходит в учительскую и слышит легкий запах перегара.

– О! Виталий Михайлович! – радуется его приходу трудовик. – Присоединяйтесь, просим! Шчас штрафную организуем!

– А есть повод, Болатбек Казыбаевич? – он приятно удивляется.

– Так день рождения у меня!

– Сегодня?

– Вчера был, в воскресенье, так что проставляюсь сегодня.

Рядом уже вовсю орудует поллитрой физрук Матвеич со сложным именем Авессалом. За столом хлопочет, нарезаая фрукты, химичка.

К звонку на урок он, успешно задавив и угрызения совести и голос Учителя, успевает накапать грамм сто водки, сказать витиеватый тост и выкурить сигарету-другую у открытого окна с трудовиком. На урок он приходит чуть навеселе.

– Всем встать!

Громыхая партами, ребята вскакивают.

– Садитесь.

Он открывает классный журнал, близоруко щурясь, водит пальцем и вдруг натывается на Ее фамилию.

– Козаченко Юлия, к доске.

Она, переглянувшись с подружкой, встает и, покачивая бедрами, выходит, словно на подиуме. Встает перед классом, сияя бесстыжими смеющимися глазами. Он ловит себя на мысли, что смотрит на ее голые колени и полуоткрытые мини-юбкой бедра. Откашливается, переводит взгляд в учебник, чувствуя, как уши наливаются жаром. Стараясь не смотреть на Нее, он бубнит, глядя куда-то в междурядье парт:

– На прошлом уроке мы говорили о глобальных проблемах человечества. Какие это проблемы, можешь перечислить, Козаченко?

Козаченко, подумав, рассказывает об отсталых странах, проблемах продовольствия, здоровья, долголетия, энергетической и сырьевой проблеме, а у него в голове звучат переливы пианино Макса Рихтера, и галопом проносятся мысли о том, что ей семнадцать, ему тридцать два, и, в принципе, разница в возрасте небольшая, просто ему надо дождаться, а пока есть время – похудеть, стать успешнее, привлекательнее, а то, что она уже – ходят по школе сплетни – уже не девочка, и гуляет с Исламовым, так это временно, не бывает в таком возрасте большой любви, а он умеет ждать, он терпеливый, он сможет, он похудеет, разбогатеет, пригласит ее в кафе, а потом они поедут в кругосветное путешествие, и он расскажет ей обо всех странах и городах, где они побывают, Учитель говорил, у него все получится, просто надо искренне хотеть и добиваться своего, а главное – визуализировать свои мечты...

Очнувшись от взрыва хохота, непонимающе моргает, щурится и в шуме восторга гомонящего класса слышит:

– Капец он перднул! Походу еще и обосрался!

Все осознав, он наполняется гневом к себе и своей слабости. Он обосрался.

Не в прямом смысле, но всё же – это позор.

Он берет себя в руки.

– Тишина в помещении! Тихо!

Медленно, словно вода в выключенном кипящем чайнике, класс успокаивается, лишь с задних парт все еще доносятся смешки. Он буравит взглядом класс, дожидаясь полной тишины. Откашливается, и, смущаясь, говорит:

– Извините, ребята. Съел что-то не то, – и не совсем к месту сообщает. – У трудовика вашего день рождения.

Ему слышится чье-то «да ладно, со всеми бывает», и он благодарно пытается отыскать глазами того, кто это сказал.

– И правда, Виталий Михайлович, не парьтесь! – это Ваня Потапов.

Прыщавый Женя Юревич, подумав, что Потапов задумал подначить географа, хихикает, но сразу замолкает, поняв, что ошибся, и закапывается в учебнике. Ваню все уважают, он – сила, подкрепленная десятью годами в секции самбо и пудовыми кулаками.

– Спасибо, Ваня, – говорит географ.

Потом оборачивается и смотрит на Козаченко. Она спокойно стоит у доски, все еще держа в руке мел. Он выдыхает.

– Отлично, Козаченко. Садитесь.

Юля косит взглядом на доску:

– Стирать?

– Э... Да, спасибо, Юлия.

Потом снова смотрит на класс, сглатывает, смачивая пересохшее горло, и приступает к новой теме.

Следующим утром он просыпается без будильника. Открывает глаза, нащупывает под подушкой мобилу, включает. Экран вспыхивает фотографией красивой девушки. Почти шесть утра...

Прибавь-ка ходу, машинист!

Он смотрит в окно, но ничего не видит, кроме тумана. Туман неподвижен. Тогда он прижимает палец к холодному стеклу и чувствует легкую вибрацию – поезд едет.

Он напрягает слух, пытаясь уловить в привычном гомоне пассажиров вагона перестук колес. Ему уже кажется, что он что-то улавливает, но его окликают.

– ...мать, Максим!

Он оборачивается. На него, свешиваясь с верхней полки, злобно глядит Баке, сосед по плацкарте, в обширных семейных трусах и линялой футболке с надписью Miami Beach.

– Тебя тут спрашивают, Максим!

– Максим Щацкий? – перехватывает инициативу незнакомый пузатый мужичок в фуражке полицейского. Головной убор несколько дисгармонирует с ярко-голубым спортивным костюмом. Слово понимая это, мужичок протягивает развернутое удостоверение. Макс успевает лишь выхватить черно-белое фото с какой-то лиловой печатью и фамилию «Жандосов».

– Щацких, – поправляет Макс.

– Ты – Щацкий? – шурит и без того узкие глаза мужик.

– Да, это я... – тянет Макс, пытаясь вспомнить все свои возможные прегрешения, но Жандосов стальной хваткой перехватывает его под локоть.

– Пройдемте в отделение!

– Да что я такого... – пытается возмутиться Макс, но полицейский приподнимает олимпийку, обнажая голое белесое пузо и запроваженный в штаны пистолет.

– Це-це-це, – цокает он.

Макс сдается, но делает последнюю попытку:

– А можно вещи собрать?

– Ничего не надо, – говорит Жандосов.

Макс послушно встает, и движется к выходу, понукаемый идущим позади полицейским. Вагон затихает. Малыши испуганно жмутся к матерям, отцы мрачно смотрят в пол.

Он осторожно переступает через разбросанные тут и там игрушки, чьи-то пакеты, тапочки, пригибается под развешенным бельем, затаив дыхание, обходит свисающие с полок ноги, стараясь никого не задеть, не разбудить. Сказывается годами выработанная привычка соблюдать неписанный этикет жизни в плацкартном вагоне. Слышится треск раздавленной игрушки. Он оборачивается посмотреть, но Жандосов больно пихает его кулаком меж лопаток:

– Давай-давай, иди.

Тишину на мгновение разрывает крик ребенка, но он сразу же захлебывается под прижатой ладонью.

В тамбуре не любящий публичных скандалов Макс, едва услышав звук захлопнувшейся за полицейским двери, резко останавливается, разворачивается, и пробует качать права.

– Постойте! По какому пра...

Его прерывает легкая зуботычина. Жандосов скалится.

– Еще вопросы?

Макс морщится, прижимает ушибленную челюсть, мотает головой – вопросов нет. Рот наполняется кровью.

Они проходят вагон за вагоном. Макс ловит на себе недоумевающие взгляды знакомых и успевает слегка пожимать плечами в ответ. Жандосов насвистывает что-то веселое, но это не мешает ему периодически подталкивать кулаком задержанного.

В вагоне-ресторане полицейский останавливает Макса и жестом приказывает сесть за столик. Сам садится напротив.

– Уф-ф... – выдыхает Жандосов, снимает фуражку и бережно кладет ее у окна. Потом щелкает пальцем, подзывая официанта.

Тот начинает движение без энтузиазма, но потом его лицо озаряется узнаванием. К их столику он подбегает почти вприпрыжку и зачем-то кланяется.

– Добрый вечер, уважаемые! Покушаете?

– Покушаю, – поправляет его Жандосов. – Неси все, что есть. И запиши на него.

Он кивает в сторону Макса. Официант вопросительно поднимает бровь, переводя взгляд, и Макс показывает ему свой ИИН, индивидуальный идентификационный номер-татуировку на запястье правой руки. Ежесекундно сверяясь, официант аккуратно переписывает номер.

– Сейчас все будет!

Стол накрыли богатый. Макс сглотнул слюну – стоимости ужина за его счет хватило бы ему на месячный рацион бич-пакетов.

Все время, пока Жандосов поедает макаронный суп, двойную порцию гречки, полграфина водки и два стакана компота, Макс унеуютно и даже досадно, что разгадка его задержания откладывается. Он смотрит в туман за окном, думает-гадает, в чем провинился, и что ему грозит. Устав гадать, он думает о Лике, которую обещал вечером сводить в кино в купе Абазяна. Да, она некрасива, но молода, у нее ладное тело, и она свободна. Дождется ли она его сегодня? Дождется ли его вообще?

Тот же Баке постоянно кидает на Лику хищные взгляды. Жена Баке, тихая суетливая мышка, успевает работать и в прачечной и посудомойкой в ресторане, что позволяет ему жить празднично и принимать активное участие в социальной жизни вагона, что значит влезать в чужие споры, судить и обсуждать пассажиров, давать оценку каждому из них, и этим всем поднять свой авторитет. Ссориться с Баке, даже из-за девушки, чревато...

Полицейский, наконец, доел, допил водку и осушил последний стакан компота. Макс ждет, что сейчас тот смачно рыгнет, но вместо этого Жандосов аккуратно, чуть ли не аристократично, промокает губы салфеткой, а затем, прикрываясь ладонью, орудует во рту зубочисткой. Закончив, он ласково спрашивает:

– Ну, дорогой, что ты хотел узнать?

В ожидании какой-то подлянки Макс с вопросом не спешит, думает, стараясь не смотреть ему в глаза. Он рассматривает толстые лоснящиеся губы Жандосова, замечает, что те начинают кривиться, и внезапно для себя спрашивает:

– А как вас зовут?

– Меня? – удивляется полицейский. – Жандосов Еркнат.

– А по отчеству?

– Абибуллаевич, – с готовностью отвечает полицейский, слегка забавляясь игрой, которую сам же затеял.

– Скажите, Ерк-кх-анат Абибуллаевич, куда мы едем?

Брови полицейского удивленно приподнимаются.

– Как это куда? Вперед! Как говорит Первый машинист, наш поезд стремится в десятку ведущих поездов мира!

– А что там в этой десятке? Мы лучше заживем?

– Конечно, лучше! – заводится Жандосов и говорит лозунгами. – Баранину каждые выходные будем кушать! Свежее белье – каждый месяц! Преступности не будет! В каждом третьем вагоне откроем школу, в каждом пятом – больницу! А чай будем из стаканов с подстаканниками пить!

Мечтательно посмотрев в потолок, Жандосов поднимает указательный палец вверх:

– Настоящий чай! Свежезаваренный!

– Звучит заманчиво... – хмыкает Макс. – А полиция будет?

– А куда же без полиции? – смеется полицейский. – Полиция всегда будет!

– Но ведь если не будет преступности...
– Це-це-це, – перебивает Жандосов. – Я все понял. Ты же этот... как его... как это... психолог?

– Психолог.

– Ты эти свои психические штучки заканчивай, Щацкий! Крутишь мне тут, вертишь! Сейчас в отделении разберемся, что ты за психолог такой! Вставай! Пошел!

Жандосов сгребает со стола салфетки, зубочистки и запихивает в карман олимпийки.

Они проходят череду купейных вагонов. В очередном тамбуре стоит охрана – молодые полицейские с автоматами наперевес. Жандосов кивает им:

– Задержанного привел к Кудамкарову.

– Документы, – требует сержант и извиняющимся тоном поясняет. – Порядок такой.

Жандосов деланно-равнодушно протягивает удостоверение, а сам свысока поглядывает на Макса – смотри, мол, у нас все серьезно, не забалуешь.

В полицейском отделении Макс крутит головой – повсюду вдоль коридора плакаты и лозунги: «Единый поезд – единый успех!», «По рельсам в будущее!», «Розыск!», «Признаки туберкулеза», «Дифтерия! Мойте руки и обрабатывайте спиртом перед едой!», «Первый машинист независимого поезда...».

На дверях таблички с фамилиями и должностями. Возле одной из них Жандосов останавливается, прочищает горло и стучится.

«Полковник Кудамкаров Ж. Ж. Управление по противодействию экстремизму» читает Макс и немного успокаивается. Ну какой из него экстремист? Это какая-то ошибка.

– Разрешите? – приоткрыв дверь, интересуется Жандосов.

– Кто там? Жандосов, ты что ли? Что тебе?

– Задержанного привел, та-щ полковник! Щацкого!

– Заводи, – слышится из купе.

Жандосов вталкивает Макса внутрь.

– Разрешите идти, та-щ полковник?

– Свободен, – разрешает полковник.

Уходя, Жандосов закрывает дверь. Макс мнетя у порога.

– Здравствуйте!

– Здраствуйте, здраствуйте, – передразнивает его Ж.Ж. – Садись.

Люкс полковника впечатляет. Жалюзи и шторы на окнах, длинный красный диван, на стене – телевизор, на столе ноутбук, принтер и стопки документов. Справа – отдельный санузел. Слева – дверь в спальное помещение. Макс осторожно присаживается на краешек дивана.

– Документы, – протягивает руку полковник.

Покрутив пассажирский талон и изучив ИИН-татуировку на руке Макса, Кудамкаров открывает папку с делом Макса. На обложке так и написано: «Щацких М. Г. Дело №...».

– Итак, пассажир Щацких, 1986 года рождения. Родился в вагоне № 227. С чем связано твое проживание в вагоне № 491?

– Так это, – сглатывает Макс. – Родители развелись. Отец снова женился, и мы поменялись с его женой. Я в ее вагон переехал, а она – на мое место.

– Ну вы даете! – радостно удивляется полковник. – То есть батя твой теперь с двумя женами живет? И со старой и с новой?

– Жил. Мама снова замуж вышла и переехала к новому мужу, сделали обмен с какой-то старушкой, той уже все равно было, где и с кем жить, нет у нее никого. Вроде, за два бич-пакета договорились.

– А почему это в деле не отражено? Нелегальные мигранты?

– Что вы! Все по форме – писали заявления, обоснования, характеристики от соседей, пошлины все уплатили!

– Это еще надо проверить! Кем работаешь, Шацких?
– Семейным психологом, у меня частная практика. В основном – разводы, семейные проблемы...

– Вот жулик, а? – восхищается полковник. – И что, много клиентов?

– Ну, сами понимаете, живем мы все в тесноте...

– Це-це-це, – перебивает Кудамкаров, и Макс понимает, откуда у Жандосова такая привычка. – Хорошо мы живем, не надо мне тут! Ты бывал в китайском поезде? В индийском? Там люди на багажных полках живут и не жалуется!

– Так я и не жалуясь...

Полковник отмахивается и заговорщицки шепчет:

– А во вьетнамском, говорят, даже сортиров нет! Просто пробивают дыры в купе и туда ходят у всех на виду!

Макс удивленно цокает – ну надо же!

– Так что ты, Шацких, думай, когда говоришь! – снова повышает голос Кудамкаров. – У нас все вагоны равны! Точно не зря мы тебя задержали! Вот – смотри сюда...

Полковник вытаскивает из папки пачку рисунков.

– Полюбуйся, у тебя изъяли на днях! – полковник перебирает листки. – Смотри сам – порнография, педофилия, ... опять порнография... карикатура на Первого машиниста, а вот... что это... это же призыв к межвагонной розни! Да у тебя тут букет статей, Шацких, а ты выебываешься! Тесно ему...

Помолчав, Ж.Ж. неожиданно меняет тему.

– И много, ты говоришь, клиентов?

– Достаточно, – шепчет Макс.

– Отвечать, как положено! – взвизывается полковник. – Конкретно, сколько приносят?

– Двести кредитов в месяц. Плюс-минус... На жизнь хватает.

– Короче, Шацких. Чтобы на тесноту не жаловался, посидишь сутки в СИЗО, так сказать, до выяснения. Мы пока проведем экспертизу, напишем заключение. А вот какое будет заключение, решать тебе. Решешь неправильно, будешь лет шесть мотать, понял?

– Что от меня требуется?

– Третий каждый месяц будешь отдавать. Хули зыришь, это не мне, – полковник, намекая, кидает взгляд в потолок.

– Согласен.

– Молодец! – хвалит Макса полковник и кричит в дверь. – Уразбаев!

Дверь сразу открывается, и в проеме появляется лунообразная физиономия.

– В СИЗО его.

Понукаемый ретивым Уразбаевым, Макс сдерживается, чтобы не заорать от абсурдности и неверия в происходящее.

В камере он успокаивается. Ничего страшного, треть так треть. Надо будет переехать в купейный вагон, там клиентура богаче. Кое-какие накопления у него есть для рывка.

Но порнография? Карикатура на Первого машиниста? Разжигание розни???

Вот куда делись его тесты Роршаха!

А он их искал.

Испытатель

Сутулый немолодой мужчина в джинсах и серой футболке выходит на дорогу. Упершись руками в колени, наклоняется, о чем-то думает.

Улицы словно вымерли. Кажется, еще вчера здесь кипела жизнь, звучали голоса, смех, шумели проезжающие автомобили; торговец газетами выкрикивал сенсационные заголовки; старая турчанка продавала с лотка горячую кукурузу, тараторя ее название на разных языках мира; ожидая своей очереди, возле ночного клуба веселилась молодежь.

Сейчас не осталось никого. Вчерашняя газета лежит на тротуаре, вульгарно раздвинув страницы, у ствола замершего дерева скучает кукурузный огрызок, не долетевший до мусорной урны. У входа в клуб вольготно расположились окурки, некоторые со следами яркой помады. Кристально чистый воздух ничем не выдает своего присутствия, даже не пытаюсь заигрывать со страницами зазывно раскинувшейся газеты и листьями деревьев. Отличная работа, но что-то не так.

Ему кажется, что за ним наблюдают. Он идет по улице – широкой и прямой, обрамленной массивными тушами небоскребов – с запада на восток, и в глаза ему светит солнце нового дня. Пару раз он резко оглядывается, смотрит по сторонам, но видит только свое отражение и длинную до горизонта собственную тень.

Он глубоко вдыхает, расширяя легкие, замирает, прислушивается к себе и выдыхает, не чувствуя потоков исходящего воздуха. По инерции он продолжает дышать, так правильно, потому что мы живы, только пока дышим. Главное, не разучиться.

Асфальт идеально ровный, по нему должно быть легко идти, глядя по сторонам. Но идти нелегко, в ногах свинцовая тяжесть.

Он шагает прямо по середине дороги и мысленно к чему-то готовится, когда периферийным зрением вдруг замечает какую-то неправильность. Справа, на краю дороги лежит фотография.

Хмыкнув, он подходит, и, наклонившись, аккуратно ее подбирает, стараясь не зацепить ногтями неровности асфальта. С фотографии, улыбаясь, на него смотрит маленькая девочка. Его девочка, его дочь Веста. Ее детская улыбка, не отрепетированная многократно у зеркала, а радостная непосредственная детская улыбка заставляет его тоже улыбнуться и напоминает, зачем он здесь.

Он целует фото и аккуратно кладет в задний карман джинсов.

Пора начинать.

Он делает легкий разбег и прыгает вверх, пытаясь коснуться пальцами неба. Почти получается, но нет. К ногам будто привязаны пудовые гири.

Тогда он снова разбегается, уже быстрее, четко рассчитывая выпрыг с основной рабочей – левой – ноги, отталкивается. На долю секунды ему кажется, что получилось, он замирает в воздухе, которого нет, но сила притяжения сразу тянет его вниз. Он приземляется на ноги, сохраняет равновесие и задумывается. Паниковать рано, но что-то не так.

Собравшись духом, он снова бежит, разгоняясь и прыгает. Приземлившись, снова бежит, и снова прыгает, стараясь коснуться неба. Мимо проносятся магазины, лавки, бутики, вывески, билборды, дорожные знаки и светофоры. Он, не сворачивая, пересекает перекрестки, и прыгает, прыгает, прыгает.

Солнце поднимается выше, тень мужчины становится короче, а прыжки выше.

Еще через десяток кварталов у него получается. В очередной раз выпрыгнув вверх, – в этот раз метров на пять – он уже готовится снова упасть и получить болезненный удар по подошвам, как замечает, что завис над землей. Его губы непроизвольно растягиваются в улыбке.

Получилось!

Дыхание перехватывает, он размахивает руками. Ему кажется, что он завис в воздухе вниз головой. Гасит панику, сглатывает, вытирает пот со лба и медленно поднимается выше, выше, еще выше.

Он поднимается выше стоящих рядом небоскребов. Дорога под ногами превращается в ниточку, одну из многих артерий города. С высоты птичьего полета видно, что город похож на змею – шесть кварталов в ширину и тысяча, если не больше, в длину.

Так же видно, что город мертв. Словно нарисованные на голубом небесном холсте, неподвижны облака. За пределами города раскинулась пустыня. Он слышал, что на юге города будет море, это здорово. Он сейчас с большим удовольствием нырнул бы поглубже, освежился. Пот катится ручьем, футболка прилипла к спине.

Еще раз осмотревшись, он решает спуститься ниже, переворачивается вниз головой, тянется руками к такой далекой земле и начинает медленный спуск.

Неожиданно для него падение ускоряется и становится слишком быстрым. Дыхание перехватывает, он паникует, машет руками и кричит. Мимо проносятся окна небоскребов, а дорога внизу из узкой длинной ленточки превращается в широкое дорожное полотно. Хорошо воздуха нет, почему-то успеваешь подумать он.

Он приказывает себе успокоиться.

Осторожно, контролируя каждое усилие, делает кувырок, и в тот момент, когда его подошвы оказываются ниже головы, падение замедляется. Скорость падает, падение прекращается. Он замирает.

Дышать! В падении он перестал дышать, и вспомнил только сейчас. Легкие сокращаются, а он слышит только звук бьющегося, колотящегося о грудную клетку сердца.

Ему снова удалось, и он снова жив. Слегка наклонившись, он начинает движение над асфальтом в обратную сторону, к месту загрузки.

Он не отказывает себе в удовольствии и вволю наслаждается всю обратную дорогу полетом. Взмывает ввысь, резко меняет направление движения, чувствуя перегрузки, проносится в полуметре над асфальтом, касаясь кончиками пальцев его поверхности, срывает на лету листья с деревьев, а потом, уже не сдерживая и не слыша себя, орет что-то первобытное во всю мощь своих глотки.

Приземлившись у нужной точки, он вытаскивает фотографию Весты и снова целует, затем возвращает на место и заходит в стартовую кабину.

Удобно расположившись в кресле, закрывает глаза, нащупывает выпуклость кнопки в подлокотнике и вдавливая ее.

Тишину мертвого города сменяет гомон комнаты испытаний. Он открывает глаза. Крышка капсулы погружения раздвигается, и он видит над собой узкоглазое морщинистое лицо врача тестовой группы Кенты.

– Рой! Как себя чувствуешь?

– Кента, старый ты хрыч, – ворчит Рой, выбираясь из капсулы виртуального погружения. – Тебе ли не знать лучше меня? Как показатели?

– В момент падения пульс сильно превысил допустимые значения, на грани разрыва сердца. Но ты молодчина, справился! Ну и мы тут не хлопали ушами, вкололи мембраностабилизаторы и бета-блокаторы.

Кента протягивает руку, чтобы помочь ему встать. Рой хватается за нее, у него кружится голова. Подняв глаза, он видит всю свою команду, которая накидывается на него и начинает мять в объятьях.

– Да отстаньте, черти! – отбивается Рой. – Где Мамонт?

– Я здесь, Рой, – с готовностью откликается бородатый Мамонт, ведущий разработчик проекта.

– Мамонт, твою же мать, где воздух? Я думал, с ума там сойду! Дышишь, а не дышится, вакуум, понимаешь? Долбанный вакуум!

– Рой, мы не думали, что это критично, воздух добавим на следующем этапе. Воздух, ветер. Команда атмосферных явлений пытается увязать все это с физикой полетов.

– Это да, с физикой ваши полеты имеют мало общего.

– Магия! – хихикает Кента. – Левитация!

– А какого черта я так долго взлететь не мог? – возмущается Рой. – Все ноги отбил.

– Ноги! В виртуале! – Кенту сейчас хватит приступ от смеха. Он веселится так, как может веселиться человек, которого отпустило сильное напряжение.

– А, уже поняли, Рой, – тараторит Мамонт, – это тень!

– Тень?

– Да, наши что-то там нахিমичили-перехимичили с массой объектов. Система распознавала твою тень как часть тебя, тень на рассвете у тебя было длиной в бесконечность. Так что, чем выше поднималось солнце, тем легче для системы ты становился.

– Ясно-понятно, ... – матерится Рой. – Если бы я разбился...

– Не разбился же...

– Если бы я разбился, то следующие тесты ты бы сам проводил, понял?

Сказав это, он, ведущий VR-испытатель² компании, смеется, а за ним и вся бригада.

– Вы только представьте – порхающий Мамонт! – реплика Кенты вызывает новый взрыв смеха.

– Всем спасибо, все – молодцы. И это... Мамонт, за закладку, за Восточку мою, спасибо!

Мамонт кивает. За его спиной на экране рекламный ролик новой виртуальной вселенной, где человек может летать.

² VR – виртуальная реальность.

Имя его

1

Все жрут это дерьмо. Все – маленькие дети, подростки, женщины, толстухи, большие дети, бизнесмены, старики, студенты все эти... Все эти бургеры, картошка фри, чипсы, кольца луковые, наггетсы куриные, крылышки, стрипсы... Прикинь, жрут это дерьмо, некоторые каждый день! Эти тонны калорий жрут, запивают ледяной колой. Колой, бро! Хрень! Конечно, они толстеют, жиреют, понимают это и к своей обычной порции заказывают салат коул-сло! Иногда я представляю себе, как их подвешивают к вертелу и крутят над огнем, а с их лоснящихся боков, задниц и щек плавится и капает воском, вспыхивая, жир. Поверь мне, их желудок какой-то сортир, я каждый день это вижу своими глазами. Целыми семьями приходят, прикинь, сами! Пузатый батя, жируха-свиноматка и их выводок толстых детишек за лишний кусок схлёстывается в схватке!

Короче, сегодня все было как всегда, только народу было больше, чем обычно. Намного больше, Новый год же, но это привычно. Подарки, кино, между делом – пожрать. Очередь была, мама не горюй, а мне бы поспать. Думал, кассиры свихнутся. Контролил все это, жопа потная – весь в мыле – когда же они нажрут? Тут смотрю – пацан какой-то крутится. Ну, как пацан, парень, студент типа, глянешь, через секунду забудется. Одет был в пуховик дутый. Вроде и стоит в очереди, а вроде и нет. То встанет, то отойдет к соседям, там примостится – странные атрибуты. Подозрительным мне показался. Я, было, решил секьюрити вызвать, но потом смотрю – парень угомонился, встал в нашу очередь за девушкой какой-то, короче, из моего поля зрения отключился. Потом еще краем глаза видел, вроде как общались они, вряд ли показалось, но даже друг другу улыбались.

А дальше до сих пор не понял, че случилось. Народ ломанулся в разные стороны, все орут, кричат – все изменилось! А потом бахнуло.

Так что второй раз я сегодня родился, дружище, так совпало. Ладно, хорош курить, пойдем ко всем – пять минут до Нового года. Старый уходит, чувствуешь? Насовсем.

2

- Значит, вы были последней, кто с ним общался?
- Последней? – вырывается у меня. – Да! Я была последней...
- Он ваш знакомый?
- Нет, что вы!
- С какой целью вы вступили в контакт с... подозреваемым?
- Да не было никакой цели! Я работаю в этом торговом центре, отлучилась на обед...

Или на ужин? Я всегда там обедаю!

- Это можно проверить, гражданка... Жунич.
- Да проверяйте! Не конкретно в этом фаст-фуде, вообще, на этом фуд-корте. Там же десяток их, по настроению! Конкретно сегодня мне захотелось именно там.
- Вы сказали, что работаете в этом же центре...
- Да! В бутике «Верутти».
- Почему вы были одна? Вы сторонитесь коллег?
- Каких коллег? Нас всего трое на весь бутик. Кассир, я и напарница. Обедаем по очереди.

– С этим разобрались. Итак, что побудило вас вступить в контакт с подозреваемым?
Я задумалась, вспоминая, как все было.

– Я стояла в очереди, поглядывала на часы – у меня было всего 20 минут, а очередь стремительно сокращала это время. Позади меня пристроился какой-то паренек. Глаза у него еще были такие... Мертвые. Вроде смотрел на меня, а вроде и сквозь. Поймал мой взгляд, уставился с вызовом. Я не люблю конфликтов, ответила улыбкой. Профессиональная привычка, понимаете?

– Дальше.

– А дальше – он убежал.

3

Брат не долго его уговаривал. Он и сам давно хотел сделать что-то подобное, что-то, что покажет этим зажавшимся уродам, что к чему, но это он просто так с друзьями в близком кругу разговаривал. Наказать их именно так – как герой, как истинный воин Аллаха – ему и в голову не приходило нах... Вот брат – тот голова! А он, что он? Школа, техникум, случайные заработки, хорошо, что всегда была трава. Хоть и не местный, но и не из аула, городской, с русским языком все хорошо, а то бы вообще пришлось на вокзале тележки катать, и то, если повезет, там и так тесно. А так – курьером работал, таксовал на дядькиной «шохе», темы были, короче, замуты там, копейка к копейке, не пропал бы, лишь бы не думали, как о лохе. Но, заебло. Везде, сука, эти надменные взгляды, презрение к его одежде, к его обуви, к его тачке – бляди! Девки даже – эти то чем берут, чем гордятся? Передком? Смазливый личиком? И те, сука, кривились, глядя на него, просвечивая сквозь ткань футболок лифчиком.

Он как-то пошел в кино с девчонкой. С нормальной девушкой, почти красивой даже, невинной, с лёгким по предплечьям пушком – он заметил. Все заранее просчитал, столько-то на кино по студенческому, столько-то на попкорн, на пиво, на мороженое после кино. Казалось, красиво. Потом кафе, покушать... А там – кто его знает, как получится? Резинки взял, подготовился, короче. На все с запасом хватало, впрочем.

Все заебись было, пока до входа в кинозал не дошли. Ухмыляющийся упырь в зализанной униформе кинотеатра затребовал студенческие билеты. Бля.

– Какие студенческие, братан, мы отдыхаем, правда!

«Правила, должен, обязан, извините», – отвечал упырь, а сам смотрел, сука, так понимающе, типа раскусил. Не пустили их, в общем. Пока сдавал билеты – сеанс уже начался, денег не вернули, весь план полетел к чертям, девчонка обиделась, набычилась, давай, до свидания! – можно было не тратиться на гондоны, сам виноват, хули хочешь?

Брат все объяснил. Кто ОНИ по жизни, а кто МЫ. На пальцах разложил, пояснил, рассказал, показал, брат, братишка, и нет бога кроме Аллаха, и Магомед – пророк его, да святится имя его во веки веков.

Главное, не испытывать страха.

Какие-то умельцы собрали пакеты пластика, забили все в жилет, туда же стальные шарики от подшипников, металлические гайки, гвозди, обрезки проволоки, шурупы, все шито-крыто. Брат его зарядил спокойствием, верой в правое дело, всего-то осталось прийти и сделать хоть как, умело, неумело, главное кнопку нажать смело.

Пришел, покрутился – охране похуй, народу море. Делай!

Присмотрел, где народу побольше, пристроился поближе, в общем. Девчонка рядом оказалась, красивая, сука, зараза. Загляделся на нее, пожалел краем, тут она улыбнулась, а он уже нажал! Всевышнему слава, не сработало с первого раза, палец замер на кнопке. Он заметался, что делать, куда бежать? Не догадался сразу, что мог соскочить, отказаться, удержать палец,

мусоров вызвать – сесть, но знать, что есть девчонки, которые улыбаются просто так, даже если ты хочешь ее взорвать и считаешь, что это худший твой враг.

Он бежал так быстро, как не бегал никогда, даже тогда, когда его почти ловили с кило герыча – мог бы сесть навсегда.

Забежал в мужской туалет, заорал сгоряча:

– Все нахуй! Бомба! Ща взорву!

Мужики врассыпную кинулись, жизнь дорога, а то, что с конца капает моча...

В глазах его поплыли со стен кафельных ромбы, жить захотелось, общаться с друзьями, пиво пить, работать, жениться, ребенка вырастить...

Бахнуло.

Сорок девственниц не встретили его с помпой.

Просто мир выключился. Его не стало.

Хорошо, больше ни в кого не попало.

Кто ты, тварь?

Лето

Жила-была девочка Оля. Ей было пять лет, и она была очень счастливым ребенком и жила обычной детской жизнью – ходила в садик, любила играть со своими куклами и дразнить кошку Ваську-Василису.

Но больше всего на свете она любила маму и папу. Они часто играли с дочкой, баловали ее, покупали новые игрушки, водили в парки развлечений, в кино, возили на море. Подружки в садике завидовали Оле и говорили, что ее папа с мамой очень добрые и веселые.

Особенно сильно баловал Олю папа. Он никогда ей ни в чем не отказывал.

«Я – папина дочка!» – гордилась Оля. – «А мой папа – лучший в мире!».

Оля любила гулять с папой во дворе – зимой он катал ее на санках, играл с ней в снежки, помогал лепить снеговика; летом играл в мяч, возился с дочкой в песочнице, покупал мороженое и лимонад. Папа был очень большой, выше всех, и когда Оля была с ним, она не боялась ничего-ничего.

А мама... Мама была самая красивая! И самая добрая! Мама никогда не ругала, не кричала, но Оле самой хотелось ее слушаться, чтобы не расстраивать. Даже папа слушался маму, хотя был в сто раз больше нее и работал большим начальником!

Так они и жили, весело и дружно.

Осень

Тварь поначалу приходила только ночью. Родители к этому времени уже спали.

Оля, свернувшись под одеялом, приподняв край, подглядывала за тварью. В свете луны и фонарей за окном на потолке виднелось небольшое, с детский кулачок, переливающееся пятно, то черное-черное, чернее ночи, то с фиолетовым проблеском, то с ядовито-зеленым. А иногда так и вовсе наливалась чуть светящимся багровым.

Проявившись, тварь долго сидела неподвижно, словно набираясь сил, а потом редкими, незаметными глазу скачками передвигалась в сторону родительской кровати.

Оля поначалу и не воспринимала тварь как нечто живое, думала просто грязь или пыль на потолке, но потом поняла – тварь движется, и от угла над книжной полкой доползла до люстры. Путь этот занял весь сентябрь.

Если присмотреться, можно было заметить, что у нее есть щупальца, длинные усики-антенны и клешни, поэтому Оля про себя называла ее Крабиком. Крабики – милые, Оля была на море и знает. Значит, и Крабик добрый, не обидит.

Кошка Васька не любила тварь, и когда та появлялась, возмущенно шипела и убегала прочь из комнаты.

В ноябре, сразу после первого снега, Крабик уже обогнул люстру и был почти над кроватью родителей. Теперь он был виден и днем.

В декабре Крабик дополз до папы с мамой и навис над их головами.

А потом вдруг пропал.

Зима

Однажды папа не пришел домой после работы. Оля хорошо запомнила этот день, потому что тогда она больно поранилась, порезав палец, и очень ждала папу, чтобы пожаловаться ему. Он обычно брал ее на руки, и шептал в ухо, утешал, а потом начинал шутить так, что Оля забывала любые обиды, ушибы и ссадины – заливалась смехом.

Но папа не пришел ни ночью, ни на следующий день. Папа и раньше уезжал, поэтому Оля не переживала, хотя и очень по нему скучала. Но в этот раз папы не было долго.

И мама была грустная, часто плакала, а потом призналась Оле – папа не вернется. Папа ушел к другой тете, и навсегда уехал в другой город. После этого мама крепко-крепко прижала дочку к себе и беззвучно заплакала.

«Навсегда...», – шептала девочка. – «Навсегда...».

Навсегда! Оля не верила, что такое бывает. Навсегда – это же никогда? Никогда-никогда она больше не увидит своего папу? Это что же значит, что у нее больше нет папы? Нет, нет, так не должно быть!

Она кинулась в детскую комнату и закрылась. Долго-долго лежала, уткнувшись лицом в подушку и рыдала. Потом подумала, что маме тоже тяжело, встала и пошла к ней, чтобы утешить – так же, как папа утешал ее.

Она нашла ее на кухне. Мама сидела за столом, опустив голову и о чем-то думала.

– Мам... Я когда-нибудь увижу папу? – спросила Оля.

Мама не ответила, и тогда Оля повторила вопрос. Мама подняла голову и криво усмехнулась:

– Папу! Папу ей подавай!

– Тебя я тоже очень люблю, мамочка!

Мама весело засмеялась.

– У тебя бо-о-ольше не-е-ет па-а-пы, де-е-евочка, – нараспев ответила она.

– Нет...? – не поняла Оля. – Почему? Мамочка, почему?

Она попыталась обнять мать, но та оттолкнула ее, вскочила со стула, ухватила дочь за косичку, намотала на кулак, больно оттянула вниз и склонилась над ней.

– Ты поняла меня, девочка? – спросила мама, брызжа слюнями ей в лицо. – Поняла, я тебя спрашиваю, тварь?

Оля замерла, боясь вздохнуть.

– Нет! У тебя! Никакого! Папы! Ясно? – мама тяжело и часто, с всхлипыванием, дышала. – Нет! Нет! НЕТ!

Мамины глаза стали черными и глубокими, они полыхали ненавистью, а лицо перекошилось, и с краешка рта свисала слюна. Она тяжело дышала, выдыхая ей в лицо какой-то очень отвратительно-кислый запах. Мама так пахнуть не могла. И она никогда не называла дочь девочкой, тем более тварью.

Оля испугалась и часто закивала, лишь бы мама успокоилась. Ее мамочка, самая добрая мама в мире, превратилась в монстра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.